

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Человек без лица / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2017. — 352 с. — (Спецназ ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-699-97297-5

Человека без документов, избитого до потери сознания, подобрали омонцовцы и привезли в военный госпиталь Ханкалы. Обнаружив на его лице следы пластической операции, врач позвонил в ФСБ. Вот тут все и завертелось. Сначала госпиталь обстрелял снайпер, потом атаковали чеченские боевики. Но человеку удалось уйти живым и невредимым. Теперь на него объявлена охота. Ведь все уверены, что этот человек знает код доступа к банковской ячейке, в которой хранится тридцать миллионов долларов, похищенных из сейфа ООН. Группа особого назначения ГРУ под командой полковника Согрина тоже ищет беглеца, но с одной целью – использовать его как приманку, на которую клюнут террористы, засевшие в горах Чечни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-97297-5

ПРОЛОГ

1

— В прошлом году, помню, посильнее снежок был, — хрипя простуженным горлом, сказал мордастый старший лейтенант и ударил о коленку шапкой, стряхивая снег. — Мокрющий, тяжеленный и с метелью. «Чехи»¹ ночью в прорыв ломанулись, им ветер в задницу, а нам в харю. Глаза откроешь — их тут же залепит. Не видишь, куда стреляешь. Так-то вот... Из-за этого и до рукопашки их допустили. Это я тогда три пальца на левой сломал. Навстречу звезданул, а у него, козла, нос на метр вперед рос. Так я этот нос через затылок ему выпустил. А сам без пальцев остался. Ладно хоть на левой...

— И что? Много положили? — затягиваясь сигаретой, зажатой в ладони, чтобы снегом ее не замочить, спросил капитан с длинными и белесыми, словно седыми, ресницами.

— Человек сорок... Два десятка прорвалось. Только за нами десантура на отдыхе стояла. Их вывезти должны были, да «шмели»² из-за погоды стали. И хорошо, что не вывезли. В бинокль картинкой любовались. С ПНВ³. Как кино, когда пленка рвется. Окулярами трянешь, снег слетает. Глазей дальше... И этих, что прорвались, десантура положила. Хотя тоже чуть дело до рукопашки не дошло...

¹ «Чехи» — жаргонное название чеченских боевиков.

² «Шмели» — вертолеты.

³ ПНВ — прибор ночного видения.

— Здесь не окопы. Здесь в прорыв идти некому.

Капитан щелчком отбросил окурок далеко на дорогу и резко обернулся, потому что мимо его уха с мокрым свистом пролетел снежок.

— Кому в глаз надо? — спросил он сердито под общий смех.

— Скажи спасибо, что не гранатой.

Настроение у всех приподнятое. Такой пустяк, как погода, в состоянии, оказывается, настроение поднять.

Это утро обернулось другой стороной, нежели минувший вечер, когда морозило, но предзимняя смерзшаяся земля лежала сухой, жесткой и колючей, по которой ходить-то, не спотыкаясь, было проблематично. Ночью пошел наконец-то снег, которого уже давно ждали, — большими хлопьями, мягкий, и сразу показалось, что стало теплее. Ну если уж не теплее, то по крайней мере уютнее стало жить на настоящей зимней земле с настоящим снегом.

Жить на земле — это совсем не то, что жить в теплом доме со всеми удобствами и даже без удобств. Дощатый настил в палатке мало защищает от холода.

Блокпост, расположенный на перекрестке пяти дорог неподалеку от Грозного, обрадовался снегу не только потому, что он напоминает о среднерусской зиме. У омовцев, занявших здесь позицию, интерес сугубо практический. Снег как книга. Он дает возможность читать следы. Да и движение на дороге соответствует погоде — не такое интенсивное, как обычно. Первый снег многих заставляет пять раз подумать, прежде чем выехать за ворота. Скользко, а пойдя купи-ка сразу подходящую шипованную резину в современных полувоенных условиях... Только по надобности едут, а визит в гости откладывают до следующего раза, когда погода устоится и снежный наст станет привычным хотя бы для ног. Тогда покажется, что и колеса к нему попривыкли.

Сам блокпост сложен из мешков, засыпанных сырым песком и потому скрепленных морозом, как зацементированных, — пуля порой отлетает рикошетом, омовцы сами проверяли. Из центральных амбразур торчат, с угрюмой насмешкой глядя на дорогу, стволы двух пулеметов. На других, укороченных по бокам амбразурах, как на полочках, лениво устроились автоматы. Но эта лень обманчива. Протяни только руку и стреляй, если возникла такая необходимость. Но пока необходимости нет, автоматы отдыхают, как и люди.

Как и полагается каждому блокпосту, на верхней точке крыши — российский флаг. Сменный состав живет, естественно, не здесь, а в двух палатках, расположенных за другой стеной, сложенной из таких же мешков с песком. Там потеплее, чем на блокпосту. Не так много щелей, сквозь которые ветер выносит тепло от печки, да и дополнительная стена от ветра спасает больше, чем на блокпосту. Уголь для печек сложен здесь же, между палаток, большой кучей. Рядом ведро для угля, лом и лопата. Кто больше других замерзнет, тот и топит вне очереди свою палатку.

С другой стороны прикрывает палатки от ветра и от возможного обстрела омовский БТР..

Утром, как только рассвело, все омовцы вывалили на улицу — снегом полюбоваться. Соскучились. Те, что службу несли, тоже вышли — на товарищей посмотреть. Только один двинулся к шлагбауму. Со стороны города шел «уазик» зеленого цвета, но номер снегом так залепило, что не видно ни одного знака. Впрочем, в такую погоду омовцы к номеру придирались не собирались. Входят в понимание участи водителя — не будешь же через каждые сто метров останавливаться и снег с номера счищать. Но «уазик» не стал подъезжать к шлагбауму, а свернул к блокпосту, и это заставило омовцев среагировать по-

своему. Сразу заняли боевое положение стволы пулеметов, и автоматы перешли из горизонтального положения в вертикальное.

Машина остановилась, открылась дверца. Высунулся, обнажив плечо с погоном, армейский старший прапорщик. Значит, машина все-таки военная.

— Привет, менты! — К армейским офицерам он, естественно, так вольно обратиться бы не посмел. К ментам может.

В ответ на вольность — вольность такая же:

— Привет... Какого тебе хрена надо?

А ни пулеметы, ни автоматы в сторону не отворачиваются. Смотрят черными отверстиями стволов без стеснения прямо на «уазик». Мало ли, кто прапорщиком вырядиться может. И даже старшим прапорщиком...

— Мне ничего не надо. Там, — старший прапорщик показал большим пальцем за спину, — мужик на дороге валяется. Живой... Чуть шевелится... Морда вся в крови. Одет легко. Похоже, из машины выбросили. Сгоняйте!

— Далеко?

— Метров триста будет.

— Вот, ни хрена себе, ближний путь. Что ж сразу не подбрал?

— А если там засада?

Такое уже не раз встречалось в армейской практике. Определяется идущий по дороге военный транспорт. Кто-то, чаще всего в военной же форме, валяется окровавленный на дороге. Машина останавливается, водитель и пассажиры выскакивают, чтобы помочь, и нарываются на автоматные очереди. В этом старший прапорщик прав, и обвинять его в равнодушии трудно.

— Отвези! — скомандовал капитан.

— Непонятливый ты. Я ж говорю, а вдруг там «чехи»...

— И что?

— У вас вон своя техника стоит, — кивнул старший прапорщик на БТР. — Ее очередью не пробьешь. А моя... — И он для наглядности постучал по брезентовому тенту.

— Нашу технику заводить до вечера, — ответил, морща широкую физиономию, старший лейтенант, который год назад сломал пальцы на левой руке, и счистил ногой снег с номера армейской машины. — Запиши номер... — сказал тому, что стоял у шлагбаума.

— Бывайте. — Старший прапорщик не напугался того, что его номер записали, только усмехнулся и зло хлопнул дверцей. Впрочем, это омовцам могло показаться, что он хлопнул зло, а в самом деле просто дверца машины закрывалась с трудом. И поехал.

— Заводи свой трактор, — скомандовал капитан одному из омовцев. — Сгоняем посмотрим.

Это уже приказ, прозвучавший вполне серьезно и деловому. А после приказа снежками не бросаются. Омовец бегом направился к проходу в стене, над которой возвышалась серо-зеленая башня БТРа.

Рядом с операционной палатой гарнизонного госпиталя в Ханкале, на стандартной больничной низенькой скамейке для ожидающих, устроились двое. Первый, старший опер республиканского управления ФСБ подполковник Рамазан Хожаев. Рядом с ним вытянул ноги второй опер, прикомандированный из Москвы капитан Виктор Трапезников. Подполковник держится более сдержанно и сидит прямо. Капитан, как обычно бывает с прибывшими из головной организации, понимает, что эта сдержанность вызвана его присутствием, но сам чувствует себя вполне раскованно. Не видит причин чувствовать стеснение.

Дверь вскоре открылась, и вышел полковник медицинской службы, на ходу снимая белый халат, — заведующий хирургическим отделением.

— Это вы меня дожидаетесь? Который из вас следователь? — не глядя на вставших при его появлении офицеров, спросил полковник и махнул рукой кому-то в другой конец коридора, привлекая внимание и жестом прося подождать.

— Следователь, товарищ полковник, еще не приехал. У него выезд в район... Там серьезное происшествие. Как вернется, займется этим делом. Пока занимаемся мы... Что с раненым? Вы не будете сами оперировать?

— Вы считаете, что заведующий отделением оперирует всех подряд? — исподлобья глянул полковник и вздохнул: — Жестоко ошибаетесь. Я большей частью, к сожалению, администратор. А здесь, в Ханкале, — администратор трижды... Но я иногда оперирую... только самых тяжелых...

Обреченный вздох показал, что полковнику-хирургу не слишком нравится быть администратором, но он мирится с этим, потому что находится в Ханкале только в длительной командировке.

— А наш подопечный?

— Видимых травм у него нет. Просто основательно избит. И еще... Вам это будет интересно... Он недавно перенес операцию. Похоже, что пластическую. То есть сменил свою внешность. Шов один разошелся. Мы посмотрели, шов слишком интересный, скрытый. И не подумаешь, что это операционный шов. Естественно, проверили. Есть и другие характерные швы. Это как раз по вашей линии. Я попросил дежурного сообщить командованию. Так вы из прокуратуры или из ФСБ?

В Чечне и прокурорские работники, и сотрудники ФСБ ходят в одинаковой с войсковиками камуфлированной форме, чтобы не «светиться» издали. Только знаки различия в петлицах собственные. Но петлиц под халатами, как и погоны, не видно.

— Из ФСБ, — ответил капитан.

— Да, значит, это по вашей линии.

— Что он сам говорит? Что с ним случилось?

— Он ничего не говорит. Он почти без сознания. По крайней мере, на вопросы не отвечает, хотя реакция на боль положительная. Не пьян. Может быть, наркота. Но я не уверен. То есть зрачок расширяется. В наркотическом опьянении чаще всего этого не бывает. Хотя все зависит от вида наркотика... Некоторые сами зрачки расширяют... Впрочем, в этом вопросе я не специалист.

— Что такое «почти»? Я не понимаю такой формулировки, — недовольно сказал капитан.

— Я же говорю — я бы подумал, что он в наркотическом опьянении. Но гарантировать не могу. Внешний вид не говорит, что это наркоман. Слишком холеный. Кроме того, наркоманы пластические операции не делают. Их такие мелочи, как внешность, волнуют мало...

— Пусть так. Когда нам можно будет поговорить с ним?

— Только завтра. Сейчас его обработают, потом поставят укол, и до завтрашнего обеда проспит, голубчик, как убитый. Завтра подходите.

— Надо бы часового рядом с палатой поставить, — в раздумье сказал подполковник.

— Ни к чему. — Хирург усмехнулся. — После укола даже лунатики спят. У нас палата на восемь человек. Офицерская. В солдатской народу больше, и мы его в офицерскую. За ним присмотрят.

— Его разве не в послеоперационную?

— Что ему там делать? У него только побои. В общую... А завтра уже забирайте. Мы его сразу выпишем.

И, не обсуждая далее вопрос, полковник заспешил по коридору к человеку, который остановился по его знаку. Старший опер переглянулся с опером, оба синхронно пожали плечами и двинулись в сторону лестницы. Похоже, что им здесь в самом деле больше узнать нечего.

Это дело не привлекло к себе особого внимания. Человек без документов... Избит... Именно потому, что без документов, омоновцы с блокпоста сразу позвонили, как и полагается, в ФСБ, и только после этого вызвали санитарную машину. Потом еще и из больницы звонили в прокуратуру. Но из прокуратуры тоже позвонили в ФСБ. Дело показалось не срочным, мелким, и всем хотелось его сбросить на работающие параллельно структуры... Тогда о пластической операции разговор не заходил. Теперь зашел, и...

Завтра, когда неизвестный проснется, можно будет все и проверить...

2

Пятиэтажный стандартный дом из силикатного кирпича отремонтировали совсем недавно. В Ханкале военных больше, чем гражданских, и здесь восстановительные работы идут быстрее, чем в других городах и районах Чечни. И значительная часть жильцов дома после ремонта сменилась. Кто-то уехал насовсем — одни подальше от Кавказа, Россия-то большая, другие обосновались за границей, кто-то за годы разрухи и повсеместного разлада погиб, а кто-то до сих пор в горах прячется от федералов. Некоторые и не с боевиками, но предпочитают у родственников в горных селениях выждать самое опасное время. И не знают даже, что дом восстановили и даже электричество подключили, отопление, воду дали... Но никто не ведает, где искать хозяев, не заявивших свои права на квартиры. А когда кругом столько бездомных, желающих вселиться в стены найдется немало. Да и военных поселили здесь же. Только в одном подъезде Мадины, считай, два этажа из пяти им отдали. Но и невоенных она тоже всех в лицо не знает. Слишком много вселилось в дом незнакомых, а одна квартира в их подъезде вообще считается общежитием.

Мадина пришла с базара, где торговала чужим товаром, получая за эту работу столько, что едва хватило бы одну себя прокормить, не говоря уже о детях. А их трое. Муж тоже зарабатывает не много. Но и за эту работу уцепился, рад, что хоть что-то имеет, но каждый день задерживается — на час, а то и на два позже жены приходит, хотя заканчивает работать официально на час раньше. Иначе нельзя, иначе на его место могут и другого подыскать, кто задерживаться будет...

Поднявшись к себе на четвертый этаж, она стала открывать дверь, когда услышала за спиной шаги и оглянулась. По лестнице поднимались два человека. У одного в руках большой «дипломат». Выглядят оба интеллигентно. Может, и видела их когда-то, может, не видела — Мадина точно сказать не могла. Да рассматривать их некогда. Мадина пыталась открыть дверь, но что-то ключ в замке не проворачивался.

— Тебе помочь? — услышала голос за спиной.

Не чувствуя беды, она посторонилась, чтобы мужские пальцы, конечно же, более сильные, чем ее, справились с непослушным ключом. Они и справились. Легко, словно и не было никакой проблемы. Мадина толкнула дверь и с порога позвала старшего сына:

— Азат!

Но сын не отозвался. Она хотела еще раз позвать, чтобы он взял у нее из рук тяжелую сумку с чужим товаром, но тут двое мужчин, что все еще не ушли с лестничной площадки, просто затолкнули ее в квартиру. И сами вошли следом. Дверь тотчас плотно, но без стука прикрылась. И замок щелкнул.

Мадина возмутилась, испугалась, но даже закричать или сказать что-то не успела, когда увидела наставленный ей в голову пистолет. И другой пистолет, наставленный на сына... В квартире оказалось еще двое мужчин. Только

теперь, рассмотрев их, она убедилась, что лица незнакомые. Это явно не жильцы их дома.

— Мы вас не тронем... Только погостим недолго... — сказал младший, с красивым, но неприятным лицом. Впрочем, сказал совсем без угрозы, почти извиняясь.

— Что вам надо? — спросила Мадина, подозревая, что их хотят просто ограбить, что в республике не в диковинку. Пожалела, что носит с собой товар. Чужой товар... Теперь за него не расплатиться...

— Надо, чтобы вы сидели тихо, внимания не привлекали и нам не мешали. Будете мешать... Не маленькая, сама понимаешь... Сына пожалей... И других детей... У тебя же еще двое?

— Двое...

— Гуляют? Когда прибегут?

— Не прибегут. Они у бабушки ночуют.

— Найти недолго... Побереги и их тоже...

Она поверила, что жизнь детей сейчас только в ее руках. И поняла, как надо себя вести, чтобы не случилось чего-то страшного. Ее грубо затолкнули на кухню и посадили рядом с сыном. Азат молчал, красными воспаленными глазами смотрел на незваных гостей. Рядом пристроился самой пожилой из четверки и пистолет из руки не выпускал, поигрывая стволом, переводя его с матери на сына и обратно.

Трое ушли в большую комнату.

Говорили между собой по-чеченски чисто, но это были не чеченцы. Чуть-чуть другое произношение, — уловила Мадина. Может быть, более правильное. Не говорят так правильно в народе. Не всегда все фразы договаривают до конца, потому что продолжение понятно и без лишних слов. Эти договаривают. Но понять, кто они, Мадина не смогла.

Ожидая, что грабители будут их бедную квартиру обыскивать, она прислушивалась больше к звукам, чем к речи,

представляла движение людей по комнате. Но так и не услышала, как открылась дверца платяного шкафа, где под постельным бельем были спрятаны небольшие сбережения семьи. А потом надолго установилась тишина. Мадина не знала, что и предположить, не понимая, чем мужчины занимаются там, за стеной, чего они ждут. Может быть, прихода мужа? Может быть, именно он им нужен? Тогда это беда еще большая...

Потом по звуку догадалась, что открывают окно. Зачем открывают? Мадина несколько дней назад старалась, заклеивала щели в рамках полосками бумаги. А мужчины эту бумагу отрывают. Но и не в этом дело. Если окно распахнуть полностью, внутренняя рама не держится и падает. Разобьют стекло, пока найдешь другое, чтобы заменить, вся квартира выстудится. Но возразить Мадина не посмела. Даже предупредить не решилась.

Но стекло не зазвенело...

— Это он? — спросил один мужчина другого там, за стеной.

— Подожди... — другой ответил неопределенно, и раздалась новые звуки. Мадина догадалась не сразу, что набирают номер на трубке сотового телефона. — Что не общаешь? Да... Да... Которого привезли только что? Он? Понял... Он...

— Работай! — со стороны первого мужчины прозвучала откровенная команда.

А еще через несколько секунд раздался выстрел. Громкий и звучный в стенах тесной квартиры. Он по ушам ударил даже Мадину, находящуюся на кухне. И она испуганно обхватила двумя руками голову сына.

— Порядок, — сообщил третий голос.

— Куда попал?

— В ухо. Мозги должны из другого уха вылететь?

— Вылетели?

— Там зеркала нет. Мне не видно.